

Слово молодым ученым

Научная статья
УДК 338.2:502 + 504.03(99) + 316.4
doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-275-279

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВЫБОРА МОЛОДЕЖЬЮ СТРАТЕГИЙ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

Геннадий Евгеньевич Косач

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова,
Новочеркасск, Россия, ccar@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается рационализация молодежи стратегий занятости, как явление, существующее в западной культуре долгие годы, но получившее свое распространение в Российской Федерации лишь в последнее десятилетие, и значительно усилившиеся в 2020 г. в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции. Автором описывается рациональный подход молодежи в контексте структурных изменений российского общества, которые указывают на тот факт, что социальные изменения последних двух лет являются институциональными и прочно укрепляются в современной действительности. Изучение описанного явления позволяет не только глубже понять происходящие в обществе и экономике процессы, но и позволяет органам власти и управления сформировать практические приемы управляющего воздействия как на рынок труда в целом, так и на стратегии занятости молодежи и стратегии обучения, в частности. Концепция автора состоит в том, что молодежь, как обширная социальная группа, являющаяся будущим нашей цивилизации, в цифровую эпоху с доступной информацией и образованием, прямо сейчас закладывает новый фундамент общества, основанного на рационализме и целесообразном подходе.

Ключевые слова: социум, молодежь, стратегии занятости, жизненные проекты, предпочтительная занятость, прекаризация, социальная диагностика, рационализация

Для цитирования: Косач Г. Е. Рационализация выбора молодежи стратегий занятости в условиях изменяющегося общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 275–279. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-275-279>.

Young scientists

Original article

RATIONALIZATION OF YOUTH'S CHOICE OF EMPLOYMENT STRATEGIES IN A CHANGING SOCIETY

Gennady E. Kosach

M. I. Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia, ccar@mail.ru

Abstract. This article examines the rationalization of employment strategies by young people, as a phenomenon that has existed in Western culture for many years, but has spread in the Russian Federation only in the last decade, and significantly increased in 2020 due to the novel coronavirus infection pandemic. The author describes the rational approach of young people in the context of structural changes in Russian society, which indicate the fact that social changes of the last two years are institutional and are firmly consolidated in modern reality. The study of the described phenomenon allows not only a deeper understanding of the processes occurring in society and the economy, but also allows the authorities and management to form practical methods of managing influence both on the labor market in general and on youth employment strategies and training strategies, in particular. The author's concept is that youth, as a vast social group that is the future of our civilization, in the digital age with accessible information and education, is right now laying a new foundation for a society based on rationalism and a rational approach.

Keywords: society, youth, employment strategies, life projects, preferred employment, precarization, social diagnostics, rationalization

For citation: Kosach G. E. Rationalization of youth's choice of employment strategies in a changing society. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2021;(4):275–279. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-275-279>.

Во всех современных государствах, имеющих рыночную экономику или стремящуюся стать таковой, рынок трудовых ресурсов демонстрирует дисбаланс спроса и предложения, а также стихийное ценообразование на рабочую силу. Вместе с тем, несмотря на высокий показатель дифференциации заработных плат в разных отраслях экономики, начальные заработные платы молодых работников, только окончивших учебные заведения, практически всегда являются минимальными и не отличаются высоким разнообразием.

При этом, неквалифицированный труд, подчас, оплачивается значительно больше, чем указанные выше начальные доходы квалифицированных работников, но, вместе с тем, не предлагает возможности к повышению дохода с течением времени. Данное явление подталкивает молодежь к формированию множества стратегий занятости, которые основаны на большом количестве объективных и субъективных факторов. В последнее время среди социологов получила широкую популярность модель выбора молодежью стратегий занятости, основанная на рационализации и целесообразном подходе [1].

Вместе с тем, иные авторы [2] возражают, что стратегии занятости современной молодежи невозможно представить исключительно как расчет шансов и соотнесение их с возможностями. Молодежь 20-х годов XXI века хоть и является рациональнее и расчетливее, чем предыдущие поколения, но все же не лишена оглядок на культуру, традиции, а также имеет субъективные суждения о престиже той или иной профессии. Особенно учитывая тот факт, что в каждом микро- и макрорегионе престиж профессии определяется на основании разных факторов.

Рациональность, как отличительное свойство молодежи

Рациональный подход к определению стратегий занятости выстраивает трудовые пути движения детей от школы к обучению профессии, от обучения к труду. Несмотря на роль случайных обстоятельств, присущих каждому конкретному индивиду, при обобщении полученных результатов на первый план выходит описание ресурсов и возможностей, изначально располагаемых молодежью и ее окружением. Выбор всегда определяется личностью, но только на основании имеющегося капитала: человеческого, материального, социального, духовного. Таким образом, рациональный подход указывает нам тот факт, что выбор молодежью стратегий занятости зависит от социального положения молодежи и неразрывно с ним связан всю трудовую карьеру.

Данный подход вскрывает важную проблему современного общества – неравенство, причем неравенство не финансовое, а неравенство возможностей выбора и неравенство доступа к различным стратегиям выбора трудового пути, которое снижает возможности использовать все шансы, предлагаемые на рынке труда. Рациональный подход, таким образом, может заключаться еще и в способности работника увеличить количество стратегий своего трудового поведения, даже в случае его изначальной ограниченности. Широкое распространение получила практика, когда активная трудовая молодежь кроме развития в своей профессии осваивает в качестве дополнительного образования несколько смежных, одновременно изучая иностранные языки и практикуясь в работе в современных программных комплексах, востребованных на рынке труда. Данный подход активно используется учебными заведениями, готовыми предоставить своим студентам за небольшую плату дополнительные точки профессионального роста, сформировав у студента новые возможные стратегии занятости.

Вызывает разногласия и проблема эффективности различных ресурсов, располагаемых молодежью. Еще десять лет назад социологи сходились во мнении, что квалификация и образование является решающим при определении стратегий занятости. Вместе с тем, в настоящее время ведущие социологи не так однозначны, в виду того, что профессия, тип и вид учебного заведения, указанные в документе, подтверждающем уровень образования, является для работодателей скорее условностью, чем действительно важным параметром [3]. Несмотря на то, что квалификацию работника все также оценивают, как важнейший показатель, но определяют ее не как полученное профессиональное образование, а как комплекс факторов: прохождение дополнительной подготовки, участие в реализованных трудовых проектах, знакомство работника с различными, в том числе неклассическими, условиями найма.

В 2020-2021 гг. показало свою ценность умение полноценно выполнять свою работу в условиях удаленной занятости, о чем ранее никогда не говорилось в социологической литературе. Данный вид занятости, оказался очень ресурсоэффективным и позволил предприятиям не только выполнять пандемические ограничения, но и значительно экономить денежные средства на оборудование рабочих мест, электроэнергии, обслуживании зданий и т.п. Кроме того, удаленная занятость оказалась экономичнее и для самих работников, которые снизили свои издержки на транспортных расходах, обеденном питании, рабочей одежде и прочем. Вместе с тем, не все сотрудники были го-

товы к переходу на дистанционный формат работы, исходя из объективных и субъективных факторов, что вызвало волну увольнений и трудовой миграции. Таким образом, умение работать дистанционно и качественно выполнять свой труд в вышеуказанных условиях стали еще одним критерием, описывающим термит «квалификация». Выдвигается логичная гипотеза, которая вместе с тем не получила должного исследования, что молодежь оказалась более готова к дистанционному формату найма, чем старшие поколения. Если данная гипотеза подтвердится, то это будет означать, что социальные изменения, вызванные новой коронавирусной инфекцией 2019 года, еще больше дифференцировали молодежь от другого трудового населения, позволив ей приобрести новые конкурентные преимущества и показав положительное влияние рационального подхода.

Еще в 2014 году группа авторов в составе Лукова В., Лукова С., Погорского Э. [4] вернулась к рассмотрению молодости, как элемента трудового ресурса, но ресурса не физического, а, в первую очередь, как навыка лучше адаптироваться к изменениям в технических и организационных условиях труда, умения приобретать новые навыки, а также оперативно находить и применять нужную информацию. Современные реалии только подтвердили данное утверждение, на практике показав главные плюсы использования труда молодого населения.

Но не стоит забывать, что молодежь, все же, является очень уязвимой на рынке труда и имеет противоречия в своем экономическом поведении, а также нестабильные ценности и направленности. Часто отмечается тяга молодежи к высокодоходным, но вместе с тем, высокорискованным видам заработка, которые приводят к преступлениям и правонарушениям криминального, либо коррупционного характера. Новое поколение, не имеющее памяти своих старших коллег, ввязывается в различные мошеннические схемы, которые ранее были популярны в 90-е годы XX века, но забыты по причине их скорейшего пресечения. Данный факт и формирует большой пласт молодежной преступности, который необходимо учитывать при изучении молодежной занятости. С одной стороны, исследуемое явление формирует теневую экономику, создавая дополнительные, хоть и незаконные, рабочие места, но с другой стороны, приводит к наличию у них судимостей, которые снижают дальнейший выбор стратегий занятости. Таким образом, стремление максимизировать доход от своей трудовой деятельности в данном случае приводит к негативным последствиям.

С юридической точки зрения, молодежная преступность – это исключительно негативное явление, которое принято рассматривать статистически и стремиться выработать меры по ее уменьшению. Вместе с тем, мало изучен социологический и экономический эффект данного явления [5]. Прискорбно, но преступность является неотъемлемой составляющей современного мира, и ее игнорирование в научном знании является контрпродуктивным. Тем более интересен тот факт, что молодежная преступность является одновременно и причиной безработицы, и ее следствием. Участие в организованной преступности молодежи само по себе снижает шансы данного слоя населения на эффективное трудоустройство, чем и порождает новый виток увеличения преступности.

Если вернуться к вопросу рационализации молодежью выбора стратегий трудовой карьеры, то стоит обратить внимание, что рационализация, как экономический термин, не всегда подразумевает максимизацию доходов и карьерных возможностей, как иногда ошибочно воспринимают данный термин. Если обращаться к теории игр и прикладывая ее к исследованию рынка труда, можно заметить существование максиминных и минимаксных стратегий у молодежи, которые также вписываются в рациональный подход. В таком подходе молодежь стремится не получить абсолютный максимальный доход от своего труда, а выбрать максимальные блага из существующего минимума, и, наоборот, выбрать минимальные затраты из максимального их уровня. Под благами можно понимать весь комплекс дохода, льгот, социальных гарантий и статуса. Под затратами понимают, как денежные расходы, так и затраты времени и труда. Понятие верхней границы благ размыты и непонятны молодому населению, поэтому максимизируя их, молодое население ориентируется на минимальный уровень в своем окружении и старается пересечь эту границу. А опираясь на свои затраты времени, денег и труда, молодежь также ориентируется на тот уровень, который видит в окружающей действительности и пытается его минимизировать [6]. В повседневной жизни российская молодежь не ставит себе в пример интенсивный труд, присущий Азиатским странам, или высокопроизводительный труд стран Западной Европы и Северной Америки, а берет в качестве максимума примеры, которые видит в российском обществе и пытается данные затраты труда минимизировать. Теория игр, являясь специфической прикладной теорией, основанной на рациональном выборе стратегий, перспективна в изучении для приложения к социальным процессам, которые являются комплексными и их рациональность является дискуссионным вопросом.

Исследуя рациональный подход к занятости, невозможно не упомянуть такой важный институциональный фактор выбора молодежи, как выбор уровня образования. Актуальные (по состоя-

нию на июль 2021 года) социологические исследования показывают, что, начиная с 2014 года, наблюдается активный рост количества выпускников школ, которые приняли решение продолжить образовательный процесс не в организациях высшего образования, а в системе среднего профессионального образования в целях скорейшего начала трудовой карьеры. Ломтева Е.В. и Бедарева Л.Ю. [7] зафиксировали повышение интереса молодежи к средне-специальному образованию, и тот факт, что в 2020 году спрос на данный вид образования впервые превысил заинтересованность в высшем образовании, даже при учете его трехступенчатости. Согласно исследованию указанных авторов, ежегодный прирост абитуриентов в средние профессиональные образовательные организации в России составил порядка 5 процентов.

С одной стороны, понижение интереса к высшему образованию можно соотнести с повышением популярности средних профессиональных учебных заведений, но с другой стороны, это коррелирует со снижением реальных доходов населения, что в свою очередь влечет за собой низкие возможности родителей оплатить как само обучение в высшем учебном заведении, так и дополнительную подготовку к единому государственному экзамену и другим вступительным испытаниям, которая в Российской Федерации имеет под собой исключительно коммерческую основу. Кроме того, молодежь вынуждена скорее своих предшественников включаться в трудовую деятельность в целях обеспечить свое существование, а также для помощи семье.

Целесообразно предположить, что именно необходимость более раннего начала трудовой деятельности, с одной стороны, кардинально ограничивает молодежь в выборе стратегий, но с другой стороны, формирует у молодежи тот самый необходимый трудовой стаж и те компетенции, которые ценятся большинством работодателей. Данный подход не менее рационален, чем получение престижного высшего образования сразу после школы, так как дает возможность молодежи, уже ведя трудовую карьеру, вернуться к вопросу получения заочного высшего образования, улучшив свои шансы на рынке труда. Особенно это стало актуально, в связи с тем, что в последние годы теряется ценность именно очного образования и выравнивается востребованность других его форм.

Выводы

Таким образом, исследуя молодежную занятость в 20-х годах XXI века, мы все больше убеждаемся в поступательном росте рационализации выбора молодежью стратегий занятости в условиях изменяющегося общества. Комфортные для молодежи годы советской плановой экономики остались далеко в прошлом, и современная молодежь, родившаяся уже в государстве под названием Российская Федерация, осуществляет свой выбор трудового пути в агрессивных условиях свободного рынка. Жизнь молодежи в данных условиях сопряжена с неравенством возможностей и для того, чтобы при меньших ресурсах реализовать свои амбиции, приходится все больше эксплуатировать рациональный подход и планирование своей трудовой карьеры.

Но рационализация не дает абсолютной выгоды, так как суждения человека, являющегося биологическим существом, не могут быть изначально объективны, существует множество субъективных факторов. Рациональное желание получать повышенный доход иногда приводит к иррациональному участию в преступной деятельности, что в последствие, приводит к негативным явлениям. Вместе с тем, принцип целесообразности, используемый большинством молодого населения страны, уже сейчас приводит к фундаментальным изменениям на рынке труда и рынке образовательных услуг. Появление новой коронавирусной инфекции (COVID-19) стало дополнительным стимулом молодежи для поиска новых стратегий занятости, в которых они оказывались бы более конкурентоспособны, чем более старшие жители страны. Изучение современной молодежи позволяет лучше смоделировать рынок труда на ближайшие годы, тем самым точнее сформировать управляющие воздействия органов власти и управления на экономику государства.

Список источников

1. Зубок Ю. А. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 4–12.
2. Анисимов Р. И. Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 44–52.
3. Митягина Е. В. Ресурсность рабочих на предприятии электроэнергетической промышленности // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 9 (29). С. 78-104.
4. Луков В., Луков С., Погорский Э. Инновационный потенциал новых поколений и молодежная политика на современном этапе развития общества // PolitBook 2014. № 2. С. 6–18.

5. Романова О. С. Организованная преступность и молодежь // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2005. №2 (24). С. 277-282.
6. Колногородов А. В. Нахождение минимаксных стратегии и риска в бинарной случайной среде // Вестник НовГУ. 2014. №80. С. 26-29.
7. Ломтева Е. В., Бедарева Л. Ю. Особенности мотивации молодежи к обучению: перераспределение спроса с высшего на среднее профессиональное образование // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2021. С. 58-62.

Reference

1. Zubok J. A. Youth: Life Strategies in a New Reality. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;(3):4-12. (In Russ.).
2. Anisimov R. I. Labor in an era of uncertainty. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2017;(11):44-52. (In Russ.).
3. Mityagina E. V. Resource workers at an enterprise in the electric power industry. *Sovremennyye issledovaniya social'ny'x problem = Modern studies of social issues*. 2013;29(9):78-104. (In Russ.).
4. Lukov V., Lukov S., Pogorskij E`. Innovative potential of new generations and youth policy at the present stage of society development. *PolitBook* 2014;(2):6-18. (In Russ.).
5. Romanova O.S. Organized crime and youth. *Ucheny'e zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii = Scientific Letters of Russian Customs Academy the St.-Petersburg branch named after Vladimir Bobkov*. 2005;24(2):277-282. (In Russ.).
6. Kolnogorov A. V. Finding minimax strategy and risk in a binary random environment. *Vestnik NovGU = Vestnik of Novgorod state university*. 2014;(80):26-29. (In Russ.).
7. Luk'yanova E. L. Bedareva L. Y. Features of motivating young people to learn: redistribution of demand from higher to secondary vocational education. In: *Monitoring ekonomicheskoy situacii v Rossii. Tendencii i vyzovy social'no-ekonomicheskogo razvitiya*. 2021(2):58-62. (In Russ.).

Информация об авторе

Г. Е. Косач – аспирант.

Information about the author

G. E. Kosach – Postgraduate student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 23.10.2021; одобрена после рецензирования 17.11.2021; принята к публикации 18.11.2021.

The article was submitted 23.10.2021; approved after reviewing 17.11.2021; accepted for publication 18.11.2021.